

A romantic illustration of a man and a woman in a boat on a river. The woman is sitting on the edge of the boat, wearing a yellow sweater, and the man is leaning towards her, wearing a red shirt. They are looking at each other closely. The background shows a river with trees and a bright sky.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 7**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 7

<https://litres.ru/74019359>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике 7 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

Содержание

Стихи я посвящаю	4
Фантазия	6
В небесных зеркалах	10
Космическое лихо	12
Лунная дружба	14
Коварство	18
Вода из камня	20
Ухмылки	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 7

Стихи я посвящаю

Любви стихи я посвящаю,
И кофе подаю в постель,
В стихах мечты лишь воплощаю,
А в жизни дальше – канитель.
Все, чем страдаю в час интимно,
Стихи передадут в века,
Стихи как кофе растворимы,
В них своя мелется мука.
Стихи, как тесто, бродят хлебно,
В них волчий вой, вороний грай,
И пошлость пустоты хвалебной,
Стихи и ад, стихи – и рай.
И я тебе их посвящаю, моя мечта, моя любовь...
И любви посвящаю тебя и себя, моя нежная кровь,
Потому что в поэзии рифмы твоих нежных чар,
Я люблю, я молю, я не сплю, я горю, я – пожар!
Потому что в поэзии рифмы твоих нежных чар,

Я люблю, я молю, я не сплю, я горю, я – пожар!

Я люблю, я молю, я не сплю, я горю, я – пожар!

Любви стихи я посвящаю,

Своих стихов я не люблю,

Но я без них тебя не знаю,

Ведь в них в мечтах своих парю.

Они – отдушина, свобода,

Они и стылая тюрьма,

Все, чем в стихах я благородный,

В том в жизни – просто кутерьма.

Все, чем страдаю в час интимно,

Стихи все перевернут в дали,

И ни черта не растворимы –

Куски валяются в пыли...

И я тебе их посвящаю, моя мечта, моя любовь...

И любви посвящаю тебя и себя, моя нежная кровь,

Потому что в поэзии рифмы твоих нежных чар,

Я люблю, я молю, я не сплю, я горю, я – пожар!

Потому что в поэзии рифмы твоих нежных чар,

Я люблю, я молю, я не сплю, я горю, я – пожар!

Я люблю, я молю, я не сплю, я горю, я – пожар!

Фантазия

Никогда тебя не видел,
Никогда не брал за грудь,
Торс не главное в картине,
Где рисую любви путь.
Здесь в восстаниях - полжизни,
А в страстях крови - вся жизнь,
Плен под гильотиной, тризна,
Лишь влюбленным покажись!
Здесь в восстаниях - полжизни,
А в страстях крови - вся жизнь,
Плен под гильотиной, тризна,
Лишь влюбленным покажись!
Месяц блещет точно сталью
Навощенной стороной,
В небе – звездное восстанье,
На земле один покой.
На планете не осталось,
Ржавых лезвий гильотин.
Все в восстанье уравнились -
Друг - один и враг - один.
На планете не осталось,
Ржавых лезвий гильотин.
Все в восстанье уравнились -

Друг - один и враг - один.
И нельзя второго друга,
И плодить врагов – нельзя.
Все под пашню в молох плуга -
Там враги и там друзья.
Перемолоты их кости,
В далях, названных быльем,
Не осталось больше злости,
И добро идет сырьем.
Перемолоты их кости,
В далях, названных быльем,
Не осталось больше злости,
И добро идет сырьем.
Ничего не правит миром
Ни свобода, ни запрет,
В образах – вода, не миро.
Значит - мира в мире нет...
Но любовь жива и ранит,
И нельзя забыть, где жжет,
И нельзя забыть, где память
От врагов обережет.
Лишь нельзя второй подруги,
Лишь плодить врагов нельзя.
Все под пашню в молох плуга -
Там враги и там друзья...

Воробышек

Я в любви, как недоуздок,
Рот открыл – одно и то ж,
О любви, о своих чувствах
Что поделать – их не трожь!
Воробей, как то же слово,
Не поймать – хоть расшибись!
С ахинеил – и готово.
Что поделать – это жизнь.
Ничего тут не попишешь,
Что посеешь – то пожнешь.
Это жизнь. Живешь и дышишь,
Как воробышек живешь.
Я в любви своей неловок,
Так люблю, что все бегут,
Как открою рот, то – слово
Как задрипанный лоскут.
Широка любовь, но я лишь
Не учен любить в миру,
С ахинеешь, мимо впялишь:
Все опять – не по нутру.
Ничего тут не попишешь,
Что посеешь – то пожнешь.
Это жизнь. Живешь и дышишь,
Как воробышек живешь.
Я в любви, как недоуздок,
Рот открыл – одно и то ж,

О любви, о своих чувствах:
Колосится в поле рожь.
Скачешь, колоски таскаешь,
К слову-то сказать – крадешь.
Так и у любви – ласкаешь,
А украдкой живешь...
Ничего тут не попишешь,
Что посеешь – то пожнешь.
Это жизнь. Живешь и дышишь,
Как воробышек живешь.

В небесных зеркалах

Под колокол ушла ты в монастырь,
Соль веры на глазах с тех пор застыла,
И зеркало ты бросила в кусты,
Чтоб отразилась чья-то в нем могила.
Не только веры соль в колоколах,
В них слезы о потерянном грядущем.
Иначе бы в небесных зеркалах
Не отражались грозные тучи.
Они б текли слезливо стороной,
А дождь незрячий шел с клюкой кривою,
И прибывал к земле каменье зной,
Толпу маня в грядущее с собою.
А я бы шел уныло, клюкой бив,
Тебя представив инокиней в стаде,
Где век любви в тебе не отлюбив,
Набат конца я слышу за оградой.
Под колокол ушла ты в монастырь,
Соль веры на глазах с тех пор застыла,
И зеркало ты бросила в кусты,
Чтоб отразилась чья-то в нем могила.
Колокола же громко бьют в набат,
Зовя в минувшей боли - в час грядущий,
И там уже как глыбы вех висят

Над нашим миром медных ливней тучи.
И соль кипит в крови, а Божий Зрак,
От триптиха не судит строго в скинье,
И не решит в Любви своей никак -
Послать поста или дождя в пустыне.
Иначе бы в небесных зеркалах
Не отражались грозовые тучи,
И я б не собирал камней прах,
Ступая без любви в наш день в грядущий.
И я б не собирал камней прах,
Ступая без любви в наш день в грядущий.

Космическое лихо

Там, где Зодиаки правят бал,
Я стрелец в созвездье метеора,
Невзначай в лягушку не попал,
А попал в ловушку ее взора.
Вот так встреча: я и метеор,
Не придумать ничего курьезней.
Камень мироздания с древних пор
Встречи ждал со мной во мгле морозной?
Камень мироздания с древних пор
Встречи ждал со мной во мгле морозной?

Голубой кристалл в дали блистал –
Лунное пространство и земное,
Твердою заградой месяц встал -
Защитить земное голубое.
Кровью в облепиховых кустах,
Сердце обливалось с древним ритмом -
Я мишенью космосу предстал,
Метеор предстал метеоритом.
Описав дугу, стрелой в забор,
Он вонзился рядом с облепихой.
Камень мироздания с давних пор
Ждал, чтоб оценили его лихо.

С неземной красавицей судьба
Нас свела, стрелец теперь мишенью,
И твоя любовь – как ворожба,
В ней одни душевные лишенья.
Ничего не скажешь тут – попал!
Только как не скажешь, осторожно:
В мирозданье космоса – провал:
Нет мишени более ничтожной.
Только что любви лишил творец,
В голубых глазах ее - укора...
Промахнулся, даль неся, стрелец -
И любовь за призрачным забором...
Промахнулся, даль неся, стрелец -
И любовь - за призрачным забором...

Лунная дружба

Я вместе с луною гляжу в небеса,
И выпала на ноги наши роса,
Но взор орошает пространства,
Ползет между ног в свою нору оса,
За лунной дорожкой мелькнула гроза,
И звезды горят постоянством.

Ты вместе с другим, и давно далеко,
Но, может, тебе, как и мне, - не легко?
А, впрочем, дружу я с луною...
А, впрочем, ты хочешь, пошлю я стихом,
В пространство, где в горле застрял, словно ком,
Я, брошенный лунной тропею?

А, впрочем, ты хочешь, пошлю я стихом,
В пространство, где в горле застрял, словно ком,
Я, брошенный лунной тропею?

Тропа далека, среди грязных болот,
И даль эту смелый уже не берет,
Когда он в разлуке с тобою.

Ты тихо конфету просунула в рот,
Зарылся в норе тьмы не видящий крот...
Все вижу, все знаю с луною.

Ты вместе с другим, и давно далеко,
Но, может, тебе, как и мне, - не легко?

А, впрочем, дружу я с луною...

А, впрочем, ты хочешь, пошлю я стихом,
В пространство, где в горле застрял, словно ком,
Я, брошенный лунной тропею?

А, впрочем, ты хочешь, пошлю я стихом,
В пространство, где в горле застрял, словно ком,
Я, брошенный лунной тропею?

Ты можешь подумать: сошел я с ума,
Но я ведь не крот, и мне тьма не тюрьма:
Хотя зарекаться не нужно...

Во тьму обращается только лишь тьма,
А в свет – радость встречи в осиных домах.
И лунная дружба...

Ты вместе с другим, и давно далеко,
Но, может, тебе, как и мне, - не легко?
А, впрочем, дружу я с луною...

А, впрочем, ты хочешь, пошлю я стихом,
В пространство, где в горле застрял, словно ком,
Я, брошенный лунной тропею?

А, впрочем, ты хочешь, пошлю я стихом,
В пространство, где в горле застрял, словно ком,
Я, брошенный лунной тропею?

К измене

Я нахожусь в несовершенном и не внятном,
Кто в рае иль в аду, - греховны все,
Ты математик – и ты более понятна,

Эйнштейну пишешь целое эссе.
Но лишь Гагарин мог ответить точно,
В чудовищном витке эдемных вех,
Есть связь Адама с Евою, и прочно ль,
Единожды творивший создал всех?
Времен чудовищный размах,
И Голос одинокий,
И Бог один, и Неба взмах –
Единожды высокий.
Пока без чисел все кругом -
В едином все сомненья,
Адам и Ева – все в одном,
И даже искушенье.
Я нахожусь в несовершенном и не внятном,
Кто в рае иль в аду, - греховны все,
Ты математик – и ты более понятна,
Эйнштейну пишешь целое эссе.
Эссе свелось к признанию, что глухо
В раю эдемском, правит всюду змей,
Он господин, но верить ему глупо,
Когда Господь в миру среди людей.
Господь уже в других мирах,
Твореньем искушенный,
А целомудренности – крах,
Единожды свершенный.
И нет пути уже назад,

Лишь в вечность искупленья:
Где лишь одна дорога – в ад,
Одна – освобожденье;
И нет пути уже назад,
Лишь в вечность искупленья:
Где лишь одна дорога – в ад,
Одна – в освобожденье...

Коварство

Люблю тебя печалью неглубокой,
Ведь все равно отлюбят вёсны цвет -
И цвет летит волшебный, одинокий:
Коварства пуще в жизни бренной нет.
Прости, но ты не будешь рядом вечно,
Коварство жизни в том, что мы близки,
Что поцелуй наш в страсти безупречен,
Расплатой – одиночество тоски.

Прости, но ты не будешь рядом вечно,
Коварство жизни в том, что мы близки,
Что поцелуй наш в страсти безупречен,
Расплатой – одиночество тоски.

А кущи округляются и пухнут,
Растут повсюду груди, животы,
И это также вдруг однажды рухнет –
Уйдут в века, как в них ушли цветы.
Но жизнь коварна, логике не внемлет,
Пройдут года, а мы еще вдвоем,
Твой нежный взгляд в пустыне солнцем стелет,
И, значит, мы в пустыне оживем.

Но жизнь коварна, логике не внемлет,
Пройдут года, а мы еще вдвоем,
Твой нежный взгляд в пустыне солнцем стелет,

И, значит, мы в пустыне оживем.
Есть выше и любви, и пониманья
Оно коварно – на разрыв времен,
Но ведь вся суть, чтобы пришло свиданье,
И не стоял над миром вечный стон.
И эта суть не даст сожрать унынию
Мою любовь, хоть и не глубока.
И горький вкус твоей любви полынной,
Оставят на губах моих века.
Прости, но мы любили, как земляне,
Любили глубоко, не до конца,
Твой нежный взгляд как солнце на поляне,
Но нет на пальце верности конца,
Твой нежный взгляд как солнце на поляне,
Но нет на пальце верности конца.

Вода из камня

А из камня я выжму и воду, и пламя,
Но всегда недовольство меж небом и нами,
В небе грозы, а я, хоть добытчик крутой,
Все ни то, и ни се, я не Игорь Крутой!
На эстраде гитары звенят,
И Крутой за роялем играет,
Там надземная жизнь, там отпад,
А у нас в своем роде – без рая.
Невозможно в миру долюбить,
Лишь в Любви мироздания – довольство,
Где не требует Небо и жить,
Ибо жизнь там надземного свойства.
Ни земли, ни воды, ни огня,
Лишь Любовь, и в любви всяк, кто выжил.
Это жизнь? Нет на свете ни дня,
Где б я капли из камня не выжал.
Вот свободным я стал и освоил гитару,
И могу пригласить я на соло Ротару,
Но она молода, а я впал в седину,
Я в люблен в нее, может покину страну.
Ведь в руках моих струны звенят,
Но в огне я спалю всех запалом,
Нет, я конченный, точно, атпад,

Белым дымом над пламенем алым.

Где не жег меня черный огонь,
С белым дымом ночи уходящей!

И страдал я в любви испокон,
К неоконченной радости вящей.

Я не мог долюбить. Не хотел!

Это значило б, что я в довольстве,

И надземно терпел свой удел -

В окончательно конченном свойстве;

Я не мог долюбить. Не хотел!

Это значило б, что я в довольстве,

И надземно терпел свой удел -

В окончательно конченном свойстве...

В микроскоп

Большая радость, радость чуть поменьше...

Тебе, генетик милый, не легко,

Ты крутишь колесо во мглу безгрешных,

Где в женщину вливали молоко.

Большая радость, радость чуть поменьше,

Но в бесконечном прошлом быть нельзя!

Ведь там - эпохи, где рождали женщин

В иных микроскопических стезях.

Ты в теме – это очень по душе,

В генетике мужскую ищешь силу,

Но в микроскопе, как шлихи в ковше,

Твои старанья суть мою убили.

Ты признаки нашла моей любви,
Они в желаньях, тех, что зреют в теле,
Желанья поубавилось в крови,
Генетика добилась своей цели.
Но тебя я познал до таинств,
Которые мы храним,
Как самый прекрасный танец,
Где в трубы поет херувим.
Я чувствую только губы,
Я чувствую только руки,
И что-то еще упруго,
И сладкие, сладкие муки.
Любовь большая и любовь поменьше,
И где-то - изначальная любовь,
Там, где родив, в крови венчали женщин
В ненастьях окровавленных миров.
И радости, и счастье, и ненастья –
Все создано – пусть в бездне – на крови,
В стезях микроскопических напастей
Вынашивая прелести любви.
Ты в теме – это очень по душе,
В генетике мужскую ищешь силу,
Но в микроскопе, как шлихи в ковше,
Твои старанья суть мою убили.
Ты признаки нашла моей любви,
Они в желаньях, тех, что зреют в теле,

Желанья поубавилось в крови,
Генетика добилась своей цели.
Но тебя я познал до таинств,
Которые мы храним,
Как самый прекрасный танец,
Где в трубы поет херувим.
Я чувствую только губы,
Я чувствую только руки,
И что-то еще упруго,
И сладкие, сладкие муки,
И сладкие, сладкие муки.

УХМЫЛКИ

Подлецу и ухмылка к лицу,
Ох, уж эти подлячьи ухмылки!
Не дресва, а пустые опилки,
Но в себе столько пыли несут!
И заставят прижмуриться... В чихе
Не найти с подлецами концов:
Ты ему «Будь здоров!», он – в Барвихе
Своим «Здравием» чтит подлецов.
Ни познать, ни понять. Подлецы.
И не внять им ни дружбы, ни правды,
Как из бочки под склень огурцы -
С миной постной в соленой приправе.
Ох, уж эти, не к месту, ухмылки -

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.